

И. И. Верняев

Реформа местного суда 1912 г. в имперском измерении: как строить общие институты в многосоставном обществе*

С середины XIX в. перед Российской империей стояла задача формирования современных государственных и общественных институтов, в том числе судебных. К началу XX в. основной каркас единой судебной системы был создан в виде сети окружных судов в качестве первой инстанции, судебных палат в качестве второй (апелляционной) инстанции и Сената как общеимперского надзорного органа и кассационной инстанции. Система общих судов функционировала на основе единой процессуально-правовой базы — Судебных уставов 1864 г. с их последующими модификациями. Всего в империи к концу первого десятилетия XX в. функционировало 14 судебных палат и 108 окружных судов¹.

Однако местные суды оставались разнородными в региональном и этносословном планах, в организационном и процессуальном устройстве, в ведомственной подчиненности. На фоне развития экономики, демонтажа общинного землевладения и формирования массового слоя частных землевладельцев, вовлечения миллионов людей в современный хозяйственный и гражданский оборот, увеличения миграционных потоков, складывания смешанных сообществ возникал своего рода институциональный дефицит в местной судебной системе. Министр юстиции И. Г. Щегловитов напоминал в Думе в конце 1909 г., что уже около 1 млн крестьян вышли из общин и стали собственниками, а через

***Верняев Игорь
Иванович***
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Крестьянский банк крестьянами уже приобретено около 25 млн десятин земли. Соответственно, новому массовому собственнику была необходима «судебная защита, и хотелось бы, чтобы он ее действительно находил»². П. А. Столыпин, выступая в 1910 г. в Госсовете, констатировал приоритетность задачи: «После землеустроительной реформы самой настоящей реформой является преобразование местного суда»³. Без реформирования местной юстиции невозможно было, в частности, полноценно ввести в действие новые кодексы — Уголовное уложение 1903 г. и разрабатываемое Гражданское уложение. На окраинах империи институциональный дефицит в системе местной юстиции осмыслялся как препятствие решению интеграционных задач.

Ставилась задача сформировать эффективный общегражданский местный суд, доступный населению и в то же время правильно организованный, профессиональный, действующий на основе общегосударственного процессуального и материального права, входящий в единую систему судебных инстанций. Однако создание общегражданских институтов вместо сословно и этнически партикулярных в условиях сохраняющегося и в ряде случаев политизирующегося имперского разнообразия (социокультурной, культурно-правовой, этносословной конфессиональной, классово-имущественной разнородности) являлось нетривиальной задачей.

На частичное решение этой задачи был направлен утвержденный 15 июня 1912 г. Закон о реформе местного суда. Законопроект был разработан к весне 1906 г., прошел длительную стадию обсуждения и изменений. В историографии фактическая сторона подготовки и принятия этого закона достаточно изучены, но сохраняются лакуны в интерпретации, ограничения в ракурсе рассмотрения вопроса. Основные положения закона распространялись на 46 губерний Европейской части России (внутренние и западные губернии) и Войско Донское. Однако дискуссия приобрела общеимперский характер, что определялось актуальностью проблематики для всех регионов и тем, что правительство рассматривало предлагаемую модель суда как нормативную⁴. Дискуссия охватила вопросы соотношения унификации и партикуляризма в судебно-правовой сфере. Но именно этот «имперский» аспект дискуссии не нашел полноценного отражения в историографии. Исследования фокусировались или на историко-правовой стороне вопроса, или на противостоянии партий в ходе разработки и дискуссии⁵. Дж. Бёрнбэнк изучала «народные» суды во всей империи, затрагивая в том числе вопросы судебной реформы 1912 г., но ее характеристика представляется односторонней и недооценивающей востребованность трансформации партикулярной юстиции⁶.

Мы по-новому определяем позиции в дискуссии по законопроекту — по предлагаемым стратегиям создания общих институтов в условиях имперской неоднородности. Одним из лучших исследований проникновения групповых статусов внутрь организаций общегражданского типа является работа Я. Коцониса о кооперативах в Российской империи⁷. Но подобное исследование в отношении судебной сферы пока не осуществлено. Теоретическая проблематика и основные модели построения общегражданских и государственных институтов в полиэтноконфессиональных сообществах исследованы А. Лейпхартом, Б. О'Лири и Дж. Макгэрри⁸.

Местный суд — тип массового института, наряду со школой, самоуправлением, кооперативами и др. С одной стороны, он входил в систему государственных институтов, с другой — был глубоко погружен в жизнь локальных, этноконфессиональных, сословных сообществ, являлся важным элементом их коллективного статуса. Местную юстицию составляли две основные категории судов:

1) общегражданский мировой суд, действующий в соответствии с положениями Судебных уставов. В начале XX в. мировые суды функционировали в столицах, крупных городах империи и на окраинах. Всего, по данным на 1909 г., было 1100 мировых судей. К числу сословных местных судов относились также гминные суды привислинских губерний. С 1889 г. часть юрисдикции упраздненных в Европейской России (за исключением столиц и ряда больших городов) выборных мировых судов отошла городским судьям и уездным членам окружных судов; на 1909 г. функционировало 511 городских судей и 455 уездных членов окружного суда⁹;

2) обширный и разнородный конгломерат низших сословных, этносословных, этноконфессиональных судов (крестьянские волостные, станичные, инородческие, горские, сельские, народные и иные суды) и судебно-административных инстанций (во внутренних губерниях — земские начальники, уездные съезды и губернские присутствия; на окраинах — крестьянские начальники и их съезды, областные управления и пр.), распространявших свою юрисдикцию на крестьянское и инородческое население. Существование этих судов было связано с сохранением сословных/этносословных низовых административных единиц.

Мировые и гминные суды входили в число судебных инстанций. Но и в этой группе были серьезные вариации по способу формирования суда, объемам подсудности, функциям. В столицах и крупных городах мировые судьи выбирались, на окраинах — назначались, фактически были коронными судьями. Организационное единство мировой и общей юстиции на южных и восточных окраинах обеспечивалось апелляцией в окружном суде. В Закавказье и Азиатской России подсудность мировых судов была намного больше (до 2 тыс. руб. по гражданским искам), чем в регионах европейской части страны (300 и 500 руб.). На закавказских и азиатских окраинах практиковалось совмещение функций мирового судьи с обязанностями судебного следователя и нотариуса.

Сословные и этносословные суды, судебно-административные учреждения подчинялись административным органам или совместно административному и судебному ведомствам. Большинство таких судов к концу XIX — началу XX в. фактически являлись «административно-народными», включая в свой состав как выборных от населения, так и административных чинов или находясь под надзором последних. Из сословных судов подведомственность исключительно судебным инстанциям была установлена только для волостных судов прибалтийских губерний. Подсудность сословных и этносословных судов как по гражданским искам, так и по уголовным делам была относительно незначительной в Европейской России и на западных окраинах, но существенно возрастала на южных и восточных окраинах — в Закавказье, Азиатской России (по гражданским искам — до 2 и 4 тыс. руб. или вообще без ограничения суммы). Юрисдикции низших судов подлежали представители соответствующей сословной или этнической группы в их делах между собой.

Общий объем гражданских и уголовных дел, рассматривавшихся разными видами местной юстиции, был огромен, существенно превосходя количество дел в общих судах. Количество гражданских дел, поступивших на рассмотрение мировых судей, уездных членов окружного суда, городских судей, гминных судей за десятилетие, с 1899 по 1908 г., выросло на 38 % — с 1,53 млн дел в год до 2,12 млн дел в год¹⁰. На одного мирового судью в 1912 г. приходилось в среднем 1180 только уголовных дел¹¹. Статистические данные о волостной юстиции неполны. По оценке заведующего статистическим отделом Министерства юстиции Е. Н. Тарновского, «счет здесь должен вестись на миллионы» судебных дел. Минимальная оценка количества гражданских дел, рассматривавшихся в волостных судах и у земских начальников в Европейской России, составила в первом десятилетии XX в. около 1,5 млн дел ежегодно¹². По данным за 1905 г. по 43 губерниям Европейской России, волостные суды рассматривали около 1 млн 120 тыс. уголовных дел¹³.

К концу XIX — началу XX в. нарастали кризисные явления в системе местного суда, она все больше не удовлетворяла ни государство, ни само население. Обычно указывалось на: зависимость этносословных судов от влиятельных лиц общин и административных инстанций; отсутствие кодифицированных норм обычного права при неспособности судей правильно использовать нормы официального законодательства; произвол при принятии решений; низкий образовательный и культурный уровень. Отсутствие в полной мере единого судебного-правового поля приводило к тому, что за одни и те же проступки и преступления следовали разные санкции — в зависимости от типа суда и этносословной принадлежности судящихся¹⁴. В отношении земских начальников и аналогов этого судебного-административного института на окраинах империи указывалось на отрицательные стороны совмещения административных и судебных функций, перегруженность делами, нередко непрофессионализм и произвол. Земскими начальниками, по данным за 1905 г. в 43 губерниях Европейской России, было рассмотрено около 422 тыс. только уголовных дел¹⁵. П. А. Столыпин в 1910 г. констатировал, что нормы, в соответствии с которыми земские начальники должны были рассматривать не более 300 дел в год, существенно превышены. У 743 земских начальников число дел удвоилось, у 300 — превысило 1500, а у некоторых достигло 3–4 тыс. в год. Многочисленные административные и землеустроительные функции препятствовали выполнению судебных обязанностей¹⁶. За 1899–1908 гг. Сенат отменил 77 % окончательных постановлений земских начальников и уездных съездов¹⁷. Беспорядки и состояние мировых судов, особенно на южных и восточных окраинах. Основные проблемы — не всегда должная квалификация судей, перегруженность, пространственная недоступность, неэффективность коммуникации из-за языковых и социокультурных барьеров, отсутствие связки с низшей юстицией¹⁸.

Министерский законопроект, внесенный 30 мая 1906 г. в Государственную Думу I созыва, не просто восстанавливал мировой суд во внутренних и западных губерниях в соответствии с Судебными уставами 1864 г., но и вносил в местную юстицию существенные изменения. Он предполагал ликвидацию волостного суда, а также созданных положениями 12 июля 1889 г. судебного-административных учреждений (земского начальника, уездного съезда, губернского присутствия). Единоличный мировой суд с расширенными полномочиями становился

единственным типом местного суда. В качестве апелляционной инстанции предполагалось учреждение отделений окружного суда, состоящих из члена окружного суда в качестве председателя и мировых судей в качестве членов коллегии. Мировые судьи должны были в земских губерниях избираться губернским земским собранием, а в столицах и г. Одессе — городскими думами. Кандидаты должны были соответствовать образовательно-служебному и имущественному цензам. При внесении министром того же законопроекта в Думу III созыва он был изменен в части ослабления образовательного ценза и усиления имущественного. В неземских губерниях (девяти западных, а также Ставропольской, Оренбургской и Астраханской губерниях) до введения земств мировые судьи должны были назначаться министром юстиции из числа лиц с высшим юридическим образованием или имеющих соответствующий опыт работы¹⁹.

Можно выделить **четыре основных позиции** в дискуссии о законопроекте и — шире — в обсуждении трансформации местного суда во всей империи:

1) местный суд — низовое звено коронного суда; только коронный профессиональный суд обеспечит судебную-правовую интеграцию страны, проведение государственных интересов, равное правосудие для всех, правильное использование законодательства, независимость от групповых влияний;

2) местный суд — это в первую очередь общественный институт, функция местного самоуправления; в этой модели однородная общественная единица, состоящая из равноправных граждан, выбирает местного судью; групповая сегментарность общества никак не легализована в устройстве общего института;

3) местный суд — важнейшая часть обособленного статуса сословных и этнических групп; в ходе реформы сословные и этносословные суды должны сохраниться, хотя и в усовершенствованном виде;

4) местный суд — общегосударственный, всесословный институт; сословная и этническая юстиция должна быть ликвидирована, но в общем судебном институте следует представить интересы как государства, так и различных статус-групп. Внутри судебного института учитывается и легализуется групповая неоднородность общества.

Сторонники **первой позиции** поддерживали законопроект в части ликвидации сословного волостного суда и смешанных судебно-административных институтов. Однако выборность мирового судьи, смешанный тип апелляционной инстанции рассматривались как непоследовательность, ведущая к сохранению обособленности местного суда. Указывалось на то, что построение местной юстиции как общественного института в условиях неоднородности (партийно-политической, социально-имущественной, этноконфессиональной, культурно-правовой) неизбежно приведет к групповой борьбе. Возникает опасность монополизации общего института и ущемления интересов отдельных групп (меньшинства или, наоборот, большинства в случае его слабой организованности). Только коронный суд гарантирует профессионализм, способность применять общегосударственное законодательство и беспристрастность.

Поддержка модели коронного местного суда была широко распространена в академическом сообществе и среди судей-практиков. В Думе II созыва большинство во фракциях октябристов и мирного обновления выступали за назначаемость

мировых судей. В Думе III созыва за назначение выступила часть фракции правых²⁰. Среди членов Госсовета при обсуждении в марте 1912 г. идею назначения отстаивали, в частности, авторитетный российский юрист В. Ф. Дейтрих, судебный деятель В. М. Андреевский, земский деятель Ф. А. Уваров и др.²¹

Наращение неудовлетворенности обособленными судами и усиление запроса на большую доступность коронного местного суда ярко проявились к началу XX в. среди населения окраин империи. Часть местных комитетов в Сибири и Степном крае, действовавших в рамках Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг., выступили за ликвидацию обособленной и введение коронной юстиции. Особенно актуально это требование было на территориях, где проживало смешанное (иностранческое, русское старожильческое, казацкое, переселенческое и др.) население²². Депутаты свидетельствовали о массовом стремлении сибирских крестьян судиться в коронном местном суде и требовали распространить реформу на Сибирь: «Население доросло до понимания, что профессиональный юрист лучше разберет дело»²³. От администраторов с окраин также поступали сведения о необходимости реформы местного суда. О неудовлетворенности якутского населения иностранческим судом и стремлении решать дела в коронных судах сообщало Якутское областное управление: «Сами иностранцы... не находят более удовлетворения в своих словесных расправах, с их бесконечную волокитою, предпочитая обращаться к коронному суду в тех случаях, когда это разрешается законом»²⁴. Прокурорский деятель Б. Н. Дельвиг на основании исследования судебной системы Степного края констатировал, что казахи во все большей степени недовольны своим народным судом. Этот суд выгоден преимущественно влиятельной верхушке. Решения народных судов почти невозможно опротестовать. Массами казахского населения востребован имперский местный суд. Уничтожение народных судов и переход их подсудности к мировым и общим учреждениям позволят изъять судебные функции и надзор за судами у крестьянских начальников. При этом Дельвиг полагал, что эти изменения назрели и в Туркестанском крае²⁵.

Министр юстиции в Думе привел свидетельства того, что в губерниях Юго-Западного края многие крестьяне стремятся перенести свои судебные дела по надельной земле в окружные суды. Нареканий на их решения нет²⁶. Депутат В. К. Тычинин (русская национальная фракция) доказывал, что как для Западного края, так и повсеместно в империи необходим коронный местный суд. Только это обеспечит независимость судьи и единообразие судебной практики²⁷.

За коронный суд выступили ряд депутатов Думы и членов Госсовета из Остзейского края. Так, депутат А. О. Шиллинг (октябрист), позиционируя себя как «горячего сторонника коронного суда», уверял, что за местный суд такого типа готовы голосовать представители прибалтийских губерний. По его наблюдениям, в Остзейском крае коронный суд претерпел позитивную эволюцию. Большинству назначенных мировых судей «удалось в короткое время освоиться с местными условиями и местной жизнью, ознакомиться с действующими гражданскими законами, крестьянским положением». По мнению депутата, «в крае с различным по национальностям населением особенно желательно, чтобы судья стоял вне всяких партийных и национальных споров». Депутат отверг мнение, что за коронный суд

выступает только немецкое дворянство края, сославшись на решения предварительных собраний у эстляндского и рижского губернаторов, где все представители от крестьян и городов, как латышские, так и эстонские, «единогласно стояли за коронный суд»²⁸. Схожую аргументацию и свидетельства изложил член Госсовета Г. Ю. Тизенгаузен²⁹. Министр юстиции сообщил в Думе, что крестьяне прибалтийских губерний все менее обращаются в волостной суд и во все большей степени стремятся перенести свои дела в мировые суды. Так, в 1891 г. в волостных судах рассматривалось 26 тыс. дел, в 1896 г. — 15 тыс., в 1904 г. — 12 тыс., в 1907 г. — 9 тыс. По данным, полученным от председателей мировых съездов, «истцы прямо бегут от своих волостных судов»³⁰.

Представители казачьих регионов также высказались за коронную систему местного суда. Депутат от оренбургского казачества С. И. Шеметов (фракция прогрессистов) сетовал, что законопроект не предполагает ликвидацию станичных судов наряду с судами волостными. Депутат доказывал, что значительная часть казачества стремится к общегосударственному правосудию, и приводил в подтверждение результаты опроса. Назначение мировых судей из числа профессиональных юристов депутат сравнил с приглашением хорошего учителя в школу, ведь «суд — тоже учебное заведение, тут нравственное воспитание народа»³¹.

Схожие требования поступали из Кавказского региона. Так, известный осетинский публицист К. Хетагуров в начале XX в. выступил с публикацией, обосновывающей необходимость ликвидации обособленных горских словесных судов и перевод горского населения в судебное ведение мировых и окружных судов³². Местному населению Закатальского округа была предоставлена возможность переносить гражданские дела из этносословного суда в мировые и общие суды по желанию только одной стороны процесса, а не обеих, как в других регионах. По свидетельству сенатора Н. М. Рейнке, тяжущиеся здесь активно пользовались такой возможностью. Ежегодно возрастало количество дел между коренными жителями, поступающих к мировому судье. При этом в народном Закатальском окружном словесном суде количество гражданских дел не увеличивалось. Рейнке сделал вывод: «Эти цифры оправдывают заключение, что туземное население питает более доверия к суду коронному, чем к народному... Само население избегает обращаться в народные и горские суды, предпочитая общие судебные установления». Начальник Кубанской области в докладе 1902 г. констатировал, что горские суды не пользуются популярностью, и ходатайствовал об их упразднении и передаче дел в мировые и общие суды³³.

Для многих крестьянских и инородческих обществ сохранение обособленной судебной системы — региональной, этносословной — не являлось ценностью, ими была востребована общегосударственная единая судебная система, в том числе коронный местный суд. Если среди весомых аргументов в пользу коронного местного суда его сторонники из великорусских губерний указывали на сословную, социально-имущественную и политическую неоднородность и конфликтность местных сообществ, то их единомышленники с окраин империи обращали преимущественное внимание на этноконфессиональную сегментарность своих регионов и сообществ.

Сторонники **второй позиции**, рассматривая местный суд как преимущественно общественный институт, функцию самоуправления, одобряли восстановление института выборного мирового суда. Поддерживали они и ликвидацию сословной юстиции и судебно-административных учреждений как не соответствующих принципам равенства всех пред судом и единства судебного устройства. Однако они критиковали законопроект за ограничение общественной природы мирового суда, за установление в качестве апелляционной инстанции отделения окружного суда, а не мирового съезда с выборным председателем, как это было установлено Судебными уставами 1864 г. В то же время местный суд должен быть единоличным, что обеспечит ответственность судьи, оперативность, профессионализм³⁴. Часть сторонников этого направления выступала за расширение географии реформы, введение и на окраинах выборного общегражданского местного суда вместе с земским самоуправлением³⁵. В такой модели суда был элемент адаптации к разнообразию, местной специфике — через сам факт выборности. Но это разнообразие мыслилось скорее как общетерриториальное, чем как статусно-групповое. Отвергалась предлагавшаяся многими депутатами, экспертами, представителями крестьянства модель коллегиального суда, которая отвечала идее представительства в общей судебной инстанции разных институциональных и социальных элементов.

Общественную выборную модель с единоличным мировым судьей в разных версиях поддерживали в Думе многие представители центристских и левых политических сил. Аргументы в пользу выборного, а не назначаемого местного суда от имени своих единомышленников развивали главы комиссии по судебной реформе в Думе II созыва кадет И. В. Гессен и в Думе III созыва октябрист Н. П. Шубинский. И. В. Гессен, в частности, утверждал, что только выборный земством суд обеспечит «введение гражданского равенства» и доверие местного населения. Предлагалась демократизация выборов суда через ликвидацию имущественного ценза, изменение состава земских собраний или введение выборов всем населением участка. Одновременно необходимо было повысить профессионализм на судебной должности путем введения максимального образовательного ценза. В трактовке И. В. Гессена и его единомышленников ликвидация сословности, выборный и в то же время профессиональный местный суд станут ключевыми факторами новой волны нациестроительства: это «возбудит такой подъем национального самосознания, перед которым побледнеет тот подъем, который имел место в 60-х годах»³⁶. Тем самым местное сообщество, выбирающее судью-профессионала, мыслилось как своего рода прообраз нации равных граждан.

Большинство вовлеченных в обсуждение представителей крестьян как в Думе, так и вне ее, при всем их недовольстве состоянием сословной юстиции, в то же время опасались модели выборного мирового суда как единственного типа местной юстиции. Причем недоверие вызывали обе версии — и та, где сочеталось широкое выборное начало с акцентом на профессионализм выборного мирового судьи, и та, где большее значение приобретал совместный контроль над мировым институтом со стороны местной земской элиты и правительства. Однако и среди крестьян находились сторонники единоличного выборного мирового судьи с высоким образовательным цензом. Так, депутат из Витебской губернии, крестьянин-старообрядец М. В. Ермолаев, член фракции умеренно-правых в Думе

III созыва, ссылаясь на настроения своих земляков, утверждал: «По опыту и наблюдению знаю и хорошо понимаю, что единство суда, в лице мирового судьи, великое благо для народа, а в особенности, для крестьян. Знаешь, к кому обращаться за правосудием... Говорят, мировой судья не знает обычаев. Но у нас нет никаких обычаев, да судьбище по обычаю, я скажу, есть один произвол». Депутат призвал к общегражданскому равенству в выборном единоличном суде через приобщение к общей культуре и образованию: «Не будем поддерживать искусственно созданные перегородки между сословиями, постараемся поскорее приобщиться к общей культуре и стать едиными и полноправными гражданами великой и нераздельной России»³⁷. Очевидно, что в этой риторике гражданского равенства не было места групповому партикуляризму в судебном институте.

Сторонники **третьей позиции** выступали за сохранение, хотя и с элементами усовершенствования и большей регламентации, обособленного сословного, этноконфессионального судоустройства. Они критиковали законопроект за разрушение сословной и этноконфессиональной автономии, за направленность на принудительную унификацию. Утверждалось, что введение общегражданского выборного местного суда неизбежно приведет к борьбе социально-имущественных или этноконфессиональных групп за контроль над этим институтом и к возможному ущемлению интересов.

В годы, предшествовавшие разработке законопроекта, Редакционная комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах под эгидой Земского отдела МВД в 1902–1904 гг. обосновала необходимость сохранения и усовершенствования крестьянской сословной юстиции, разработала целый комплект соответствующих нормативных актов: положение об устройстве волостного суда, правила судопроизводства в волостном суде, специальные кодексы материального права в качестве правовой основы волостной юстиции³⁸.

В ходе дискуссии по законопроекту о реформе местного суда в Думе и Госсовете в 1906–1912 гг. позиции сословного и этнического партикуляризма продолжали развиваться и оттачиваться. Пожалуй, наиболее ярко идеологию партикуляризма — одновременно сословного и этнического — выразил в 1909 г. на заседании Думы III созыва депутат фракции правых, юрист, политик и известный публицист Г. А. Щечков. Депутат прямо связал стремление к ликвидации обособленных местных юстиций и введению общеимперского «единства суда» с идеей, как он выразился, «единой всеимперской национальности», которая является порождением государственной бюрократии, ее стремления к созданию унифицированных институтов. Идея государственно-бюрократической дээтнизированной «единой всеимперской национальности» и ее реализация в судебной сфере не устраивали депутата. Идущей из столицы под эгидой имперской «всенациональности» судебно-правовой унификации депутат противопоставляет национально-народное своеобразие местного суда. Этот сословно- и одновременно этнопартикуляристский подход депутата был активно поддержан правой частью Думы, русской национальной фракцией³⁹.

Многие думские депутаты-крестьяне и представители правых фракций говорили о том, что свои обособленные суды — важнейшая часть дарованных крестьянству царской властью прав и привилегий. Соответственно, введение коронного

или мирового выборного суда как общих учреждений станет актом ликвидации этого группового статуса: «Крестьяне лишатся тысячелетие присущего им права самим выбирать своих судей и иметь свой крестьянский суд»⁴⁰.

Тем не менее большинство депутатов Думы III созыва в соответствии с положением министерского законопроекта и рекомендациями думской комиссии проголосовали за ликвидацию волостного суда и судебных функций земского начальника, а также за воссоздание мирового выборного единоличного суда.

Партикуляристские тенденции ярко проявились в Госсовете, куда из Думы 29 мая 1910 г. поступил законопроект. После длительного обсуждения большинством голосов Особая комиссия по преобразованию местного суда Госсовета в 1912 г. выступила, вопреки положениям законопроекта, за сохранение волостных судов, хотя и в преобразованном виде. Кроме идеологических мотивов выдвигались и прагматические. Утверждалось, что подходящих кандидатов на 6 тыс. мест выборных судей среди местных сообществ не найти. Потому волостной суд, доступный, понятный крестьянству и существенно уменьшающий нагрузку на восстанавливаемый мировой суд, в то время был незаменим⁴¹. Характерно, что П. А. Столыпин, соглашаясь с аргументацией сторонников волостного суда и учитывая задержку с введением всесословной волости, на заседании Особой комиссии Госсовета в ноябре 1910 г. признал неизбежность сохранения судебного партикуляризма в силу значительных межгрупповых культурных различий⁴².

Некоторые эксперты и чиновники обосновывали необходимость сохранения обособленных этносословных судов наличием на местном уровне конфликтов интересов разных групп, например крестьян, казачества и инородцев на южных и восточных окраинах. Они полагали, что общий всесословный местный суд, и выборный, и по назначению, неизбежно утратит беспристрастность и станет полем столкновения статус-групп⁴³.

Приверженцы **четвертой позиции** в дискуссии о местном суде предлагали различные гибридные модели, которые в рамках общего института должны были учесть факт групповой неоднородности сообществ, интересы государства и партикулярные интересы отдельных групп.

Многие депутаты, представлявшие правые и левые фракции Думы, выступали за трансфер во внутренние и западные губернии, а также другие регионы империи модели гминного суда привислинских губерний. Этот институт привлекал тем, что совмещал черты мирового и волостного судов. Гминные суды были реформированы в 1875 г. До этого гминным судьей был войт — глава гмины из местных шляхтичей, объединявший административно-полицейскую и судебную власть. Одна из основных целей реформирования заключалась в том, чтобы устранить монополию шляхетства в суде и дать представительство польскому крестьянству как, предположительно, лояльной империи этносословной категории⁴⁴. Это реализовано через модель всесословного коллегиального суда с гминным судьей (как правило, из шляхтичей) и лавниками-заседателями (как правило, из крестьян). По отзывам и экспертным оценкам, гминный суд вполне удовлетворял все категории местного населения. Большинство представителей крестьянства в Думе и другие депутаты требовали создать подобный суд в центральных губерниях и других регионах России. В качестве желаемого образца рассматривался

также волостной суд прибалтийских губерний, где он был встроен в судебную систему⁴⁵.

Ряд депутатов Думы, в основном из правых фракций, видели в коллегиальном местном суде возможность сбалансировать групповые интересы крестьян и дворян-землевладельцев. Так, вместо существовавших волостного и мирового судов и судебно-административных инстанций правый депутат П. В. Новицкий предложил создать единый коллегиальный местный суд, включающий сословных представителей. Епископ Евлогий, член русской национальной фракции, выдвинул модель местного суда на коллегиальной основе с мировым судьей и двумя выборными заседателями из крестьян. Эту модель поддерживали и отдельные представители думского центра. Октябрист А. Е. Фаворский предложил объединить волостной и мировой суды в одну коллегия. В итоге будет «суд всесословный, который в коллегии включает в себя частью представителей местного крестьянского населения, частью представителей имущих классов, так как мировые судьи (желательно профессиональные юристы) будут избираемы земскими собраниями». Такой суд выполнит важную политическую объединяющую функцию: с одной стороны, участие образованного юриста «возродит в населении понятие о правовых отношениях», с другой — этот суд будет влиять и на председателя, станет для него «школой изучения быта деревни и ее нравов». Такое устройство суда незаменимо в инородческих районах, где оно обеспечит реализацию интеграционных задач⁴⁶.

Схожие гибридные модели с групповым представительством предлагались и депутатами с окраин. Такой суд адаптивен, позволяет учесть групповое и культурное разнообразие. Он может быть внедрен не только в центре, но и во всей империи. Характерно, что депутаты с окраин требовали не столько сохранения сословных и этнических судов, сколько своего рода «коренизации» общегражданского местного суда. И эта «коренизация» могла быть реализована через коллегиальный выборный суд с представительством разнородных «элементов». Указывалось, что окраины были лишены близости, доступности и понятности в коронных судах. Детальную гибридную модель, приспособленную для внедрения в разных регионах империи, разработала фракция трудовиков в Думе III созыва⁴⁷.

Ряд членов Госсовета при обсуждении законопроекта выступили за квотируемое представительство этноконфессиональных групп в волостном суде как составной части общей системы местного суда (А. С. Стишинский, А. Н. Лобанов-Ростовский и др.). Предлагалось, в частности, в смешанных волостях гарантировать православному населению представительство в волостном суде. Член Госсовета А. Б. Нейдгарт обращал внимание на то, что уклад жизни православных и католиков разный. Потому в коллегиальных судах должны быть представлены судьи, знающие воззрения и обычаи разных частей населения судебного участка. Однако большинством голосов — 18 против 8 — Комиссия Госсовета по судебной реформе отвергла предложение о квотировании «национального состава волостных судей»⁴⁸.

Сторонники коллегиального суда, включающего судью-профессионала и представителей от местного сообщества и его групп, утверждали, что такой состав позволит решить проблему языкового барьера, устранив искажающих смыслы

и удорожающих доступ к суду посредников⁴⁹. Предложения об использовании местного языка и привлечении коренного кадрового ресурса для донесения в массы разнородного населения единого общегосударственного содержания, культурных, правовых, идеологических смыслов напоминают подход Н. И. Ильминского в сфере образования и отсылают к будущим большевистским практикам «коренизации»⁵⁰.

Предложения о реформировании местной юстиции на основе представительства активно поступали с окраин империи. Так, под руководством наместника Кавказского края И. И. Воронцова-Дашкова в 1907 г. была разработана гибридная модель местного суда для всего региона. Наместник предложил ликвидировать этносословные суды, а мировые суды для приближения к населению превратить в коллегиальные, включающие в качестве председателя коронного судью-юриста и членов коллегии — выборных представителей местных общин⁵¹.

В схожем направлении разрабатывал свой проект суда на Кавказе сенатор, член консультации при Министерстве юстиции Н. М. Рейнке. Разработка основывалась на результатах ревизии 1910–1911 гг. Рейнке исходил из того, что для Кавказа характерна «исключительная многоплеменность». Горские и народные суды Кавказа подлежали ликвидации. Рассмотрение уголовных дел должно было перейти в ведомство мировых и общих судов. Но для гражданских дел «меньшей государственной и общественной значимости» предполагалось создать коллегиальные суды, включающие назначаемого мирового судью в качестве председателя и нескольких членов суда — выборных «депутатов», каждый из которых представляет в коллегии свою этноконфессиональную общину. Функциями подобного устройства местного суда являлись, по задумке Н. М. Рейнке, взаимодействие правовых культур, приобщение местных общин к общегосударственной культурно-правовой «гражданственности». Проект был рассмотрен на заседании Совета Министров в марте 1913 г., принят за основу реформирования судебной системы края⁵².

Сенатор К. К. Пален на основе результатов проведенной им в 1908 г. ревизии Туркестанского края предложил гибридную модель, где сочеталось сохранение этносословной юстиции и формирование смешанных по составу коллегиальных инстанций. Пален предлагал передать туземные суды в судебное ведомство, подчинив надзору мировых судей. Председателем смешанной апелляционной коллегии становился мировой судья, а заседателями — выборные представители. Мировой судья должен быть знаком с «местным наречием». Гибридное устройство суда, по Палену, способно исполнять интеграционную миссию⁵³.

Итогом многоэтапной дискуссии стала компромиссная модель, сочетающая элементы всех четырех подходов⁵⁴. Были ликвидированы судебные функции судебно-административных учреждений. Их компетенция и часть подсудности окружного суда отошли к воссозданному общегражданскому единоличному мировому суду. Мировые судьи избирались губернскими земствами, а в крупных городах — городскими думами. В неземских губерниях мировые судьи также должны были назначаться министром юстиции. Земельный имущественный ценз для кандидата в выборные мировые судьи устанавливался в размере ценза, необходимого для избрания в гласные уездного земского собрания. Имущественный ценз (в половинном размере) распространялся и на лиц с высшим юридическим образованием.

Апелляционной инстанцией стал мировой съезд, состоявший из мировых судей и назначаемого министром юстиции председателя, имеющего высшее юридическое образование и служебный опыт (выборы председателя сохранялись в столицах и ряде крупных городов). Введение института назначаемого председателя съезда явилось новшеством по сравнению с моделью Судебных уставов 1864 г. и должно было обеспечить введение местного суда в общий строй судебных учреждений. Кассационной инстанцией выступали департаменты Сената. В принятом законе, в отличие от законопроекта, основное финансирование мирового суда возлагалось на казну.

Был сохранен, но с изменениями сословный волостной суд. Подсудность по сравнению с волостным судом образца 1889 г. сокращалась. Были разработаны Временные правила о волостном суде, регламентировавшие его деятельность. Волостной суд был выведен из подчинения административных структур и введен в строй судебных учреждений. Выборы проходили под контролем мирового судьи. Увеличивалась оплата волостных судей. В качестве апелляционной инстанции создан верхний сельский суд, председателем которого становился мировой судья, а членами — председатели волостных судов. Устройство верхнего сельского суда отчасти реализовывало идею судебной коллегии с представительством ведущих страт местного сообщества в суде.

Закон вступил в силу с 1 января 1914 г., вводился постепенно, и до конца существования империи его действие не охватило всей предполагаемой территории (к 1917 г. — 20 губерний). Итоговая гибридная модель стала результатом компромисса между разными видениями строительства общих институтов и включала пять объединенных элементов — три основных институциональных слоя и две промежуточные связки: 1) народный волостной суд как этносословный институциональный слой; 2) верхний сельский суд как связка между этносословным и общегражданским слоями; 3) выборный мировой суд как общегражданский общественный слой с элементами «коренизации» — привлечение «местных людей», допущение использования обычного права и местных языков; 4) мировой съезд как связка между местным судом и коронными судебными институтами; 5) назначаемый председатель мирового съезда как представитель государственно-ведомственного институционального слоя. Институциональные связки (2) и (4) должны были выполнять роль канала коммуникации и сближения между слоями-юстициями.

Исследование реформы местного суда начала XX в. наглядно иллюстрирует объективную сложность создания современных общих институтов в гетерогенной империи. Во-первых, в отношении кадрового и финансового обеспечения это очень ресурсоемкий процесс. Во-вторых, ликвидация обособленных и создание общих институтов нередко приводят к межгрупповому (социально-классовому, партийно-политическому, этноконфессиональному) соперничеству за контроль над ними. Приходится либо полностью игнорировать разнообразие и групповость (что, в свою очередь, порождает риски разрушения эффективной коммуникации, недоверия суду, опасения в подрыве групповых статусов), либо искать такую модель, которая устанавливала бы баланс между статусами, учитывала бы различные правовые менталитеты, разные языки, процессуальные практики. Эти сложные вопросы построения общей институциональной среды не были в полной мере

разрешены до конца существования империи, но ее институциональное наследие, в частности обсуждавшиеся и опробованные модели, было востребовано на новом — советском — этапе истории России.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

¹ Сборник статистических сведений министерства юстиции. Вып. 25. СПб., 1911.

² Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. Ч. 1. СПб., 1910. С. 1318.

³ Протокол заседания Особой Комиссии для обсуждения внесенного из Государственной Думы законопроекта о преобразовании местного суда. 1910–1911 г. [Б. м., б. г.]. С. 13.

⁴ Краткая объяснительная записка к проекту Министра Юстиции о преобразовании местного суда. СПб., б. г. С. 170–172.

⁵ *Зырянов П. Н.* Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. 1969. № 6. С. 45–62; *Немытина М. В.* Суд в России. Вторая половина XIX — начало XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; *Лонская С. В.* Мировая юстиция в России. Калининград, 2000; *Терентьев Р. В.* Реформа местного суда в России в начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005; *Сорокин А. А.* Вопрос о реформе местного суда в Российской империи: власть и общество (1889–1912 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017.

⁶ *Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7, no. 3. P. 397–431; *Бёрбэнк Дж.* Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / под. ред. А. И. Миллера М., 2004. С. 320–358.

⁷ *Kotsonis Ya.* Making Peasants Backward: Managing Populations in Russian Agricultural Cooperatives, 1861–1914. New York, 1999.

⁸ *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven, 1977; *O'Leary B., McGarry J.* Regulating Nations and ethnic communities // *Nationalism and Rationality* / ed. by A. Breton et al. Cambridge, 1995. P. 245–289.

⁹ Сборник статистических сведений министерства юстиции.

¹⁰ *Тарновский Е. Н.* Движение гражданских дел в общих и мировых судебных установлениях за 1899–1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 3. С. 52–62.

¹¹ *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. М., 2003. Т. IV. С. 547.

¹² *Тарновский Е. Н.* Движение гражданских дел... С. 52–62.

¹³ *Тарновский Е. Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 9. С. 59–60.

¹⁴ *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса. М., 2016. С. 266; Краткая объяснительная записка... С. 42–43.

¹⁵ *Тарновский Е. Н.* Движение преступности... С. 59–60.

¹⁶ Протокол заседания Особой Комиссии... С. 11–13.

¹⁷ *Евреинов В. А.* Волостной суд в историческом развитии // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 8. С. 90.

¹⁸ Краткая объяснительная записка; *Васильев А. А.* Закон о преобразовании местного суда 15-го июня 1912 года. СПб., 1913. С. XI–XIII; Государственная Дума. Третий созыв... С. 1604–1610; *Пекарский Э. К.* Об организации суда у якутов // Сибирские вопросы. 1907. № 36. С. 22–27; *Термен А. И.* Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: очерки и впечатления. СПб., 1912; *Москалев А. В.* О реорганизации суда на Кавказе. Исследование о причинах лжесвидетельства в кавказских судах // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 9. С. 172–202.

¹⁹ Проект министра юстиции о преобразовании местного суда. СПб., [б. г.]; *Гессен И. В.* Реформа местного суда (речи, статьи и доклады). СПб., 1910. С. 107–117.

- ²⁰ *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса. С. 277–281; *Сорокин А. А.* Вопрос о реформе местного суда... С. 134–135; 156.
- ²¹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. СПб., 1912. С. 1769–1770, 2428–2438.
- ²² *Кауфман А. А.* Свод трудов местных комитетов по Кавказу, Области Войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. СПб., 1904. С. 595–597.
- ²³ Государственная Дума. Третий созыв... С. 1500–1505.
- ²⁴ *Пекарский Э. К.* Об организации суда у якутов. С. 22–24.
- ²⁵ *Дельвиц Б. Н.* Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 128–132, 138–140.
- ²⁶ Государственная Дума. Третий созыв... С. 1301–1302.
- ²⁷ Там же. С. 2759–2760.
- ²⁸ Там же. С. 2764–2766.
- ²⁹ Протокол заседания Особой Комиссии... С. 16–17.
- ³⁰ Государственная Дума. Третий созыв. С. 1309–1310.
- ³¹ Там же. С. 1212–1218, 2679–2682.
- ³² *Хетагуров К. Л.* Горский словесный суд // Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений: в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 220–222.
- ³³ *Рейнке Н. М.* Кавказско-горские суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2. С. 41–44, 51–52.
- ³⁴ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Т. 2. СПб., 1907. С. 1329.
- ³⁵ Государственная Дума. Второй созыв... С. 1329, 1574–1579; Государственная Дума. Третий созыв... С. 1694–1710; *Гессен И. В.* Реформа местного суда... С. 20.
- ³⁶ Государственная Дума. Второй созыв. С. 1329.
- ³⁷ Государственная Дума. Третий созыв. С. 1477–1481.
- ³⁸ Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. 1: Свод выработанных комиссией законопроектов. СПб., 1903. С. 11–17; Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. 3: Проекты положения о волостном суде и волостном уставе о наказаниях с объяснениями. СПб., 1904. С. 3–6.
- ³⁹ Государственная Дума. Третий созыв. С. 1159–1160, 2688–2693.
- ⁴⁰ Там же. С. 1085–1088, 1244–1259, 1323–1330.
- ⁴¹ *Васильев А. А.* Закон о преобразовании местного суда... С. 21–23.
- ⁴² Протокол заседания Особой Комиссии... С. 11–12.
- ⁴³ *Аничков И.* Мировой суд и преобразование низших судов. СПб., 1907. С. 7–8.
- ⁴⁴ Высочайше Учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. 6: Записка тайного советника Аристова о преобразовании горных судов. СПб., 1894. С. 64–67.
- ⁴⁵ Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия вторая. 1908–1909 гг. Т. 1. СПб., 1909. С. 97–98; Государственная Дума. Третий созыв... С. 1069–1071, 1074–1078, 1218–1224.
- ⁴⁶ Государственная Дума. Третий созыв... С. 1272, 1620–1624, 1674–1686.
- ⁴⁷ Там же. С. 1285–1297, 1342–1346, 1411–1429, 1447–1450, 1471, 1628–1631, 1665–1674.
- ⁴⁸ Протокол заседания Особой Комиссии... С. 18–22.
- ⁴⁹ Государственная Дума. Третий созыв... С. 2960–2967, 2974–2976, 2982–2984, 3009–3016, 3019–3020.
- ⁵⁰ См. об этом: *Kreindler I.* A Neglected Source of Lenin's Nationality Policy // *Slavic Review*. 1977. Vol. 36, no. 1. P. 86–100.
- ⁵¹ *Воронцов-Дашков И. И.* Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова СПб., 1907. С. 130–133.
- ⁵² *Рейнке Н. М.* Кавказско-горские суды... С. 5–6, 62–64; *Москалев А. В.* О реорганизации суда на Кавказе... С. 172.
- ⁵³ *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 209, 218.

⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 32. Отделение 1. Пг., 1915. № 37328.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Верняев И. И. Реформа местного суда 1912 г. в имперском измерении: как строить общие институты в многосоставном обществе // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8, № 4. С. 966–982. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.412>
УДК 94(47)

Аннотация: Судебная реформа 1912 г., воссоздавшая в обновленном варианте во внутренних и западных губерниях Российской империи мировой суд и ликвидировавшая судебные функции судебно-административных инстанций (земского начальника, уездного съезда, губернского присутствия), изучается обычно либо в историко-правовом ключе, либо как часть партийно-политической борьбы начала XX в. В статье реформа впервые рассмотрена с точки зрения проблематики управления имперским разнообразием и в контексте стратегий построения общих институтов в условиях устойчивой разнородности (сословной, этнической, конфессиональной, социально-имущественной, партийно-политической) как населения империи в целом, так и региональных и локальных сообществ. Показаны состояние местной юстиции в начале XX в. и факторы, вызвавшие необходимость ее реформирования. Реконструированы основные позиции, на основе которых критиковался правительственный законопроект и предлагались альтернативные варианты устройства местного суда. Позиции в дискуссии были связаны с видением перспектив и путей интеграции Российской империи, построения общих институтов, нациестроительства. Закон о реформе местного суда был утвержден 15 июня 1912 г. Законопроект был разработан еще к весне 1906 г., прошел длительную стадию обсуждения и изменений. Закон вступил в силу с 1 января 1914 г., вводился постепенно, и до конца существования империи его действие не охватило всей предполагаемой территории (к 1917 г. он действовал на территории 20 губерний). Итоговая гибридная модель стала результатом компромисса между разными точками зрения на строительство общих институтов. Ряд разрабатывавшихся элементов местного суда оказались востребованы и после падения империи, в советский период.

Ключевые слова: Российская империя, реформа, местный суд, 1912, партикуляризм, универсализм, судебно-правовая сфера, сословный суд, этносословный суд, судебно-административные инстанции, мировой суд, общегосударственные институты, этнокультурное разнообразие.

Сведения об авторе: *Верняев И. И.* — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); i.verniaev@spbu.ru

FOR CITATION

Verniaev I. I. 'The Reform of Local Court of 1912 in Imperial Dimension: The Making of Common Institutes in Plural Society', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018, pp. 966–982. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.412> (In Russian)

Abstract: The judicial reform of 1912, which recreated in the inner and western provinces of the Russian Empire an updated version of the magistrates' court (*mirovoy sud*) and liquidated the judicial functions of land captains and other judicial-administrative instances, is usually studied either in the historic-legal context or as part of political struggles of the early twentieth century. For the first time, the reform was considered in the context of managing imperial diversity and strategies of creating common institutions in conditions of heterogeneity (class, ethnic, confessional, political), both among the population of the empire as a whole and in regional and local communities. This paper addresses the state of local justice and factors that necessitated reforms, including main positions that formed the basis for criticizing the government bill and alternative options for local courts. Positions in the discussion were related to visions of prospects and ways for integrating the Russian Empire, constructing common institutions, and nation building. The resulting model was a compromise and hybrid. A number of developed elements of local courts were in demand after the fall of the empire, even in the Soviet period.

Keywords: Russian Empire, Local court, reform, 1912, particularism, universalism, judicial and legal sphere, Estate court, Ethnic court, Magistrates court, Common institutions, Ethno-cultural diversity.

This research was supported by grant N 15-18-00119 from Russian Science Foundation.

Author: Verniaev I. I. — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); i.verniaev@spbu.ru

References:

- Burbank J. 'An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, no. 3, 2006.
- Burbank J. 'Mestnye sudy, imperskoe pravo i grazhdanstvo v Rossii', *Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive* (Moscow, 2004).
- Kotsonis Ya. *Making Peasants Backward: Managing Populations in Russian Agricultural Cooperatives, 1861–1914* (New York, 1999).
- Kreindler I. 'A Neglected Source of Lenin's Nationality Policy', *Slavic Review*, vol. 36, no. 1, 1977.
- Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. Yu. *Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty*. Vol. 4 (Moscow, 2003).
- Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration* (New Haven, 1977).
- Lonskaya S. V. *Mirovaya yusticiya v Rossii* (Kaliningrad, 2000).
- Nemytina M. V. *Sud v Rossii. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.* [Doctor of Law Dissertation] (Moscow 1999).
- O'Leary B., McGarry J. *Regulating Nations and ethnic communities in Nationalism and Rationality* (Cambridge, 1995).
- Sorokin A. A. *Vopros o reforme mestnogo suda v Rossijskoj imperii: vlast' i obshchestvo (1889–1912 gg.)* [Candidate of History Dissertation] (Nizhniy Novgorod, 2017).
- Terentiev R. V. *Reforma mestnogo suda v Rossii v nachale XX veka* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2005).
- Zyryanov P. N. 'Tretiya Duma i vopros o reforme mestnogo suda i volostnogo upravleniya', *Istoriya SSSR*. no. 6, 1969.